

Было ли это из-за глубоких чувств, которые он сам в себе взрастил, или из-за клятвы, которую он дал, — всё это уже не имело значения!

Главное было в том, что оба готовы были пройти через ледяную стужу ради друг друга!

Когда зажгли фонари, Му Цинфэн вернулся в приподнятом настроении. Он не принёс с собой пилюлю «Возвращение к истоку», но принёс устное повеление императора, который хотел его видеть!

Гу Шаобай никогда не носил такой торжественной одежды — три слоя внутри и три слоя снаружи, сложного фасона, доведённого до предела. Он стоял скованно, позволяя главной служанке Му Цинфэна, Гэ Цзы, облачать его в наряд.

Когда одевание было почти завершено, Му Цинфэн отпустил Гэ Цзы и достал из шкафа пояс с узорами танцующих и поющих, чтобы закрепить его на талии Гу Шаобая. Его длинные пальцы застёгивали нефритовые застёжки одну за другой.

— Этот пояс я получил в подарок от императора, когда мне было тринадцать лет, и я был его напарником по учёбе в императорском кабинете...

Он поднял голову и заметил, что Гу Шаобай опустил взгляд, его ресницы слегка задрожали, а лицо напряглось, дыхание стало неровным. Му Цинфэн понял, что тот нервничает из-за предстоящей аудиенции с императором. Он мягко поцеловал его, но поцелуй был коротким, лишь лёгкое прикосновение.

Только Му Цинфэн отстранился, как Гу Шаобай вдруг словно очнулся, обнял его за шею и прижался губами, жадно и сильно целуя, их языки переплелись, выражая желание и тоску.

Му Цинфэн сначала удивился, а затем обрадовался. Гу Шаобай редко проявлял такую инициативу, обычно он был застенчивым и осторожным.

Лишь когда на языке он почувствовал холодную и солёную влагу, Му Цинфэн понял, что это были слёзы.

Он испугался, поспешно отстранился и поднял ладони к лицу, покрытому слезами. В глазах Гу Шаобая стояла густая пелена, словно утренний туман в горах.

Проведя пальцами по слезам, Му Цинфэн спросил:

— Дорогой, что случилось...

— Ничего, — Гу Шаобай слабо улыбнулся, вытирая слёзы о грудь Му Цинфэна.

Он слегка запрокинул голову, глядя на его чёткий и совершенный подбородок. Даже такой умный человек иногда бывает глуп. Всё не так просто. Если бы всё было так легко, разве император оставался бы императором?

Му Цинфэн был слишком оптимистичен в этом вопросе!

Намерения императора труднее всего угадать.

Му Цинфэн проводил его в императорский кабинет, а сам остался ждать в боковом зале Вэньхуа.

Император прищурился, глядя на Гу Шаобая, стоящего на коленях.

Этот юноша заставил его доверенного А Фэна потерять рассудок и чуть не лишиться жизни!

Он не был особенно красив, но был невероятно чист. Видя его, невольно возникали ассоциации: с чистым ручьём, текущим по камням; с лунным светом, пробивающимся сквозь сосны; с облаками, плывущими по небу; с ночным дождём, стучащим по банановым листьям...

Он был воплощением всего чистого и прекрасного, всего, что можно желать и достичь.

Его плечи были узкими, но спина держалась прямо.

Длинные густые ресницы спокойно опускались, скрывая глаза. Император помнил, как в зале те глаза сияли, их блеск был ярче драгоценных камней.

— Подарите ему место, — приказал он.

Рядом, в трёх метрах, уже поставили круглый табурет. Гу Шаобай поблагодарил и сел.

Император заметил нефритовый пояс на его талии, который показался ему знакомым. Немного подумав, он вспомнил, что подарил его Му Цинфэну в юности. Неужели А Фэн хотел напомнить ему о старых чувствах, чтобы он не обижал Гу Шаобая?

Но, А Фэн, если ты полюбил его, разве в твоём сердце осталось место для кого-то ещё?

Разве осталось место для императора, для государства, для великих амбиций процветания всей страны?

— Гу Шаобай, даже в глубинах дворца я слышал о твоём таланте, — император поднял чашку чая с улыбкой. — Раз ты талантлив, почему бы не сдать экзамены и не стать чиновником, чтобы служить с А Фэном в одном зале? Разве это не прекрасно?

Гу Шаобай слегка поклонился, всё ещё опустив глаза.

— Моё имя слишком незначительно, чтобы удостоиться внимания Вашего Величества. На самом деле, я не столь талантлив, как говорят. Я знаю свои пределы и понимаю, что не являюсь человеком, способным стать опорой государства.

Император взглянул на него. Гу Шаобай скромничал, но также тонко отклонил его предложение.

Император сделал несколько глотков чая, поставил чашку на стол и перешёл к сути.

— Я вижу, что А Фэн очень тебя любит...

Гу Шаобай внезапно поднял взгляд, но тут же опустил его. На этот вопрос он не мог ответить, не мог ни согласиться, ни отрицать.

Поэтому он лишь стиснул губы и промолчал.

Через некоторое время он услышал продолжение:

— Но я не хочу, чтобы он тебя любил...

Час назад Му Цинфэн совершил глубокий поклон перед императором. Во-первых, он просил пилюлю «Возвращение к истоку», а во-вторых, просил разрешения вернуться в свои владения. Причина была очевидна, и её не нужно было объяснять.

Император не дал ответа, лишь сказал, что хочет увидеть Гу Шаобая.

Он много думал, но всё же не хотел отпускать Му Цинфэна.

Сколько лет он привык к тому, что этот человек, будь то на границе или при дворе, всегда был рядом, давал советы, предвидел опасности и, если говорить откровенно, готов был отдать за него жизнь. Их связь была особенной, это были не просто отношения между государем и подданным, но и братские узы.

А Фэн, как ты можешь из-за такого человека без сожалений уехать так далеко? Император не мог этого представить и не мог смириться.

Способный управлять государством и умиротворять мир, способный сесть на коня и покорить всё вокруг. Му Цинфэн был ещё так молод, он должен остаться в столице, жениться, завести детей, помогать ему управлять государством, видеть, как весь мир склоняется перед ним, а затем наслаждаться богатством и славой, оставив своё имя в истории. Вот каким должен быть конец для мудрого правителя и верного министра.

— Ты понимаешь? — спросил император спокойно.

К его удивлению, Гу Шаобай не удивился и не выразил скрытого гнева. Он лишь смотрел на блестящие кирпичи под ногами, словно разглядывая смутные отражения.

Его спокойствие напоминало тихую картину, где лёгкими мазками изображена лёгкая печаль.

— Я понимаю, — его голос, несмотря на рану на шее, звучал мягко и приятно.

— Да? — император слегка удивился.

Но Гу Шаобай не стал продолжать. Всё, что должно было случиться, уже случилось, и дальнейшие слова были бессмысленны.

Император взглянул на Ван Си, стоящего рядом. Тот махнул рукой, и маленький евнух, ждавший в углу зала, поднёс маленький поднос с небольшой коробочкой.

— А Фэн и пилюля «Возвращение к истоку», ты можешь выбрать только одно, — император смотрел на него без эмоций. — Ты должен понимать, что даже если А Фэн захочет увести тебя с собой, он увезёт лишь тело. Он всё равно вернётся, — он глубоко вздохнул. — Зачем всё это?

Гу Шаобай спокойно смотрел на коробочку, сделанную из пурпурного сандалового дерева, с резными драконами и фениксами, невероятно изысканную! Даже такая маленькая коробочка стоила целое состояние. Император действительно владел всем миром!

На кого ему было злиться? На императора за его бессердечие, за его эгоизм, за то, что он, владея всем миром, всё ещё соперничал с ним за Му Цинфэна?

Нет, разве он сам не предвидел это? Предвидел начало и думал о конце, но всё же шёл по этому пути до конца, пока не разбился, и всё ещё не останавливался!

Пальцы впились в ладони, между ними выступила влага. Гу Шаобай не чувствовал боли, его

сознание было пустым. Он вспомнил поцелуй перед уходом, объятия, намеренно завязанный пояс.

Му Цинфэн, ты надеялся, что он вспомнит старые чувства, но разве ты не знаешь, что старые чувства трудно забыть?

Восьмиугольный дворцовый фонарь сиял, его свет переливался, создавая иллюзию прекрасного сна.

Гу Шаобай прищурился, глядя в сторону двери. Его упорный взгляд словно пробивался сквозь занавеси и стены, падая на того человека. Он ждал его!

Наконец, он взял коробочку, открыл её. Внутри на жёлтом бархате лежала красная пилюля размером с горошину. Гу Шаобай взял её двумя пальцами, подумав, как она похожа на красные бобы из его родного города.

В Чжанчэне, тёплом и влажном, круглый год цвели деревья красных бобов. Он вспомнил, как в детстве любил собирать с друзьями упавшие бобы, яркие, как кровь, нанизывать их на нить и носить на шее или запястье.

Они громко пели:

*

Красные бобы растут на юге,

Весной они дают побеги.

Собери их побольше,

Эта вещь вызывает тоску.

*

В детстве он не знал, что такое тоска, и мог смеяться. Теперь он понимает её, но должен расстаться с любимым.

Гу Шаобай дождался, пока слёзы высохнут, положил пилюлю на поднос, а пустую коробочку спрятал в одежду.

Он поклонился.

— Благодарю Ваше Величество за лекарство. Я прошу позволения удалиться.

Ван Си, видя, как Гу Шаобай выходит из зала, смотрел на пилюлю на подносе и нерешительно спросил:

— Ваше Величество, это...